

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 30.

АВГУСТА 2-го.

4 8 3 2.

Содержание: О русскомъ словечкѣ „если“.—П. Цертелева 2-го.—Стихотвореніе. Воронова.—Общеполезныя съѣтствія.—Частные объявленія.—О прѣхавшихъ въ выѣхавшихъ.—

О русскомъ словечкѣ „если.“

„Если бы пастухъ не былъ пастухомъ,
то быть-бы, можетъ быть, царемъ.“

Поговорка.

Я смотрю на слово, какъ на портретъ; лексиконъ для меня тоже, что картина галлерея: въ немъ каждое слово относится къ выражаемому имъ, действительно существующему предмету или понятию, какъ напр.: какойнибудь эстампъ относится къ своему оригиналу. Необходимо, по этому, различать въ словахъ смыслъ и образъ или духовную и материальную сторону: Первая составляетъ достояніе (едва-ли не исключительное) внутреннаго, глубоко-мыслящаго человѣка: если въ умѣ его рождается—какъ выражаются философы—сознаніе о какомънибудь предметѣ или понятии, то уже одно это отвлеченнѣе, для всякаго другаго неясное, холодное сознаніе удовлетворяетъ его, потому, что знала вѣдою, предметъ,—онъ уже и знаетъ ихъ. Но для человѣка вѣшняго, житейскаго, мыслящаго не алгебраическими знаками отвлеченностей, но живыми предметами,—этого недостаточно; онъ требуетъ образа, для того, чтобы отвлеченнѣе ощутить, т. е. сознать въ формѣ, для него понятной. Этотъ образъ и есть слово въ прямомъ, тѣсномъ его значе-

ніи. Мы произносимъ, напр., звуки: церковь, могила; вмѣстѣ съ понятіемъ обѣ этихъ предметахъ мы соединяемъ непремѣнно и чувственное (матеріальное) выраженіе ихъ, или образъ. Какъ бы ни была безплотна, какъ бы ни была отвлечена идея—все равно, она должна быть изображена словомъ, потому, что человѣкъ непремѣнно требуетъ чего-нибудь видимаго—образа. Разница только та, что предметъ, действительно существующій въ природѣ, каждый изъ насъ представляетъ себѣ однаково, сообразно его природнымъ признакамъ и опредѣленной формѣ, какая ему данаатурою; а идея, не будучи тѣлесною вещью, но только существуя во вѣнчанемъ мірѣ, не имѣть и одной опредѣленной формы, а проявляется посредствомъ этихъ неуловимыхъ, идеальныхъ формъ духа, который разнообразится личностю каждого отдельнаго человѣка, или, какъ говорятъ философы, каждымъ духовнымъ я: вотъ отчего идея въ душѣ каждого человѣка принимаетъ и образъ, соотвѣтственно его характеру и личнымъ его свойствамъ. Чѣмъ мы сказали о словѣ, то можно отнести къ цѣлому народу; чѣмъ сказали о словѣ, то смыло можемъ отнести къ цѣлому языку: природа неизмѣнно вѣрна самой себѣ, какъ въ целомъ, такъ и малѣйшей его частичкѣ.

Чтобы доставить читателямъ удовольствіе видѣть, какъ точенъ, какъ вѣренъ самому

себѣ этотъ всеобщій законъ языка или слова человѣческаго, т. е. связь между словомъ и предметомъ, образомъ и смысломъ—я разсмотрю одно пѣтьѣ словъ языка русскаго, которое скорѣе можетъ быть названо частицей рѣчи, словечкомъ, нежели словомъ, между тѣмъ какъ оно содержитъ въ себѣ цѣлую рѣчь, цѣлый трактатъ о несовершенствѣ человѣка, трактать, едва ли не философскій!

Въ каждомъ языке есть небольшое число словъ или частицъ, которыхъ, повидимому, не выражаютъ ровно ничего, действительно существующаго, не обозначаютъ никакого определеннаго предмета въ мірѣ видимемъ, ни какой идеи въ мірѣ духовномъ. Такія слова, обыкновенно, получаютъ значеніе чрезвычайно общее, чрезвычайно обширное: они служатъ выраженіемъ то какойнибудь правдивой черты, то какойнибудь наклонности или способности, достоинства или недостатка въ цѣломъ народѣ, и потому могутъ быть разсматриваемы какъ историческіе памятники развитія характера, мысли и разума его.—Замѣчательно, что такое завидное значеніе всегда почти достается на долю самыми незавидными словами—какиминибудь: *асесь, если* и т. п., которыхъ даже у себя, въ грамматикѣ, пользуются только скромными названиемъ *частицъ*. Не смотря на то, однакоже, образъ, физиognomія такихъ словъ, какъ и самое значеніе ихъ, гораздо обширнѣе: на немъ лежитъ отпечатокъ выражаемыхъ имъ чертъ или свойствъ человѣка, а иногда даже отпечатокъ *народности*. Такъ напр., наше чудное, такъ мало воспѣтое поэтомъ *авось*,—не напоминаетъ ли намъ множества чертъ, множества свойствъ русскаго человѣка? Когда произносятъ *авось*—такъ, кажется, и видишь это *авось* въ красной рубахѣ, плисовыхъ наравахъ, съ плечами въ косой сажень.—А *если?*... Нѣть,—наше *если* не отзывается простонародно-русскимъ; *если*—Европеецъ, настоящій космополитъ! Много вѣковъ и народовъ пережило оно, и до спхъ поръ вездѣ и всегда имѣть свободный ходъ, какъ ходячая мо-

нета въ государствѣ. Въ ряду самыхъ многозначительныхъ словъ *если* занимаетъ первое мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, какое огромное значеніе заключаетъ въ себѣ это словечко: о чёмъ бы вы ни заговорили, чуть только скажете *немногого дальше*, за ту черту, до которой... сей часъ является на сцену неумолимое *если*, какъ ближайший, непремѣнныи блеститель порядка, городовой—является на сѣть во всѣль мелочныхъ происшествіяхъ улицы. А попробуйте только отиться на волю этому словечку,—быстрые русской тройки и англійскихъ пароходовъ умчатъ оно васъ въ далекое, въ чудное, чудесное.... Богъ знаетъ куда!... И какъ неволко потомъ человѣку, когда одно только легонькое *если* остается въ чудной дали, а самъ онъ, отяженелѣши, хлопнется о землю,—такъ неволко можетъ быть только чиновнику, которому, выѣсто полнаго, приходится получить въ награду полугодичный окладъ единовременно. А *если* все таки опять себѣ приходитъ, незванное, да безъ него и не обойдется.

Если-бы, говоритъ толстякъ-богачъ, духъ котораго утонулъ въ „тучныхъ ланитахъ“, которыхъ давно уже „престали граціи трепать“—если-бы мнѣ еще нѣсколько десятковъ тысячъ.... прикупить-бы я сосѣднія землици, а тамъ.... И физіономія богата расширяется—въ область возможнаго, и на ланитахъ, давно нетрапанныхъ граціями, появляется веселая улыбка—человѣческая улыбка приближающемся счастію: не удивляйтесь внезапному выраженію, озарившему лицо толстяка: міръ возможнаго (*если*) нѣзѣль на его ланиты....

„Если-бы—мнѣ только добраться вотъ этого закона науки“ думаетъ учений, ломая голову въ тиннѣй кабинета, а ужъ тамъ-бы я все вывелъ!“

Голодный бѣднякъ засыпаетъ подъ камнемъ неба—другаго нѣть ему пристанища—и засыпая, думаетъ: „что, если-бы проснуться съ цѣковенскимъ въ рукахъ!“

И все *если, если* и *если*—на каждомъ ша-

гу человѣческой жизни!... Одна только чудная природа, безъ всякаго *авось* и безъ *если*, творить и выводить слѣдствія изъ однажды данныхъ ей законовъ.... Но духъ человѣка—что дѣлать!—не можетъ остановиться на этой вѣчной непремѣнности природы: кому не случалось, освѣжалась ночной прохладой, смотрѣть на темно-голубое небо и бездны свѣтиящихъ въ немъ міровъ; кому не случалось испытывать, какъ бѣдный духъ въ то время тоскуетъ, мятется, и въ умѣ невольно рождается вопросъ: что-бѣ было, *если-бѣ* ничего этого не было?—Право, стоитъ того, что-бѣ призадуматься надъ этимъ *если* и посмотреть—откуда возникаетъ его чудное значеніе въ языкахъ почти всѣхъ народовъ?

Всѣ мы давно знаемъ, что человѣкъ является въ мірѣ съ *возможностью* развитія всѣхъ способностей, всѣхъ чувствъ, всѣхъ наклонностей. Но мірѣ даетъ ему въ своемъ пространствѣ известное мѣсто или принимаетъ его на *житіе* съ *условіями*: онъ *передѣл* уже, съ самимъ рожденіемъ, ограничиваетъ его духовную природу—тѣлеснымъ характеромъ (темпераментомъ); потомъ, мало по малу, окружаетъ его духовное развитіе обстоятельствами жизни, разными непредвидимыми случаямиъ и т. п. Подъ влияніемъ такихъ условій человѣкъ развивается, слѣдовательно, первоначальная возможность развитія почти уничтожается. Условія заглушаютъ въ немъ одно и способствуютъ къ развитію другаго. При окончательномъ сложеніи духовнаго человѣка въ немъ соединяются, такимъ образомъ, какія нибуль *однородныя* способности преимущественно, и развиваются на счетъ другаго. Это составляегъ, правда, *характеръ* человѣка, его индивидуальность или его *я*, которымъ онъ отличается отъ другихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это же рождаетъ въ духѣ *односторонность*. Но односторонность есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и *ограниченность*, слѣдовательно, *конечность*, *застой*,—а это противно законамъ духа, вѣчно живаго, вѣчно вѣщаго впередъ. Вотъ отъ чего каждый

человѣкъ во всяку эпоху своей жизни дѣйствуетъ или развивается на столько, на сколько позволяетъ ему доля его развитія; и такъ какъ она слишкомъ ничтожна въ океанѣ пра-ственной жизни человѣчества, то запасъ жизни духа скоро исчерпывается или изживается, а между тѣмъ духъ все-таки стремится впередъ (къ дурному или хорошему, смотря потому, какъ направлень) и не находить удовлетворенія.... Здѣсь то и является *если*. Слѣдовательно, *если* есть общее выраженіе, общая формула ограниченности человѣка, обусловленности, несовершенства всего человѣческаго.—А человѣкъ всегда будетъ ограниченъ: совершенство дано ему только какъ вѣчная (слѣдовательно, никогда не дости-жимая) *цѣль*, къ которой онъ жаждеть болѣе или менѣе приблизиться, но которой не достигаетъ и не долженъ достигать, потому что конецъ развитія—конецъ жизни духа. Это миражъ въ иразглѣденномъ мірѣ, который то показывается, то отдалется, то совершенію исчезаетъ; и ежеди странникъ, утомленный прямакази, на пути жизни своей и набредетъ какъ нибудь на мѣсто, отраженіемъ котораго быть миражъ—странникъ пройдетъ мимо и не остановится даже мыслью: его занималъ миражъ, который исчезъ и отдался съ приближеніемъ, а не мѣсто, свободное для прохода. Такъ-то далеко отъ насъ совершенство!—Послѣ этого ясно, что *если* всегда было и должно быть, и всегда должно являться во всемъ, что только ни задумаетъ человѣкъ.

Еще вопросъ. Пользя ли предположить, какъ исключение, какъ феноменъ, такого человѣка, который-бы хотя въ эпоху самаго цвѣтующаго развитія духовныхъ силъ своихъ могъ существовать виѣ всякихъ условій, не опираясь на *если*? Что-бы могъ означать такой человѣкъ?—Нѣть, къ лучшему! Вѣроятно, къ лучшему—но и это не дано человѣку! и какъ-бы онъ ни быть совершенъ, какъ-бы глубоко и я проинклилъ въ природу и самаго себя—онъ только со-

знательные и полные другихъ видитъ свое несовершенство—несовершенство человѣка!.. Поэтому, кажется, можно сказать: „самый „совершенный человѣкъ, въ данную эпоху, „есть тотъ, который сознательнѣе, разум- „нѣе в глубже своихъ современниковъ видитъ несовершенство рода человѣческаго и чувствуетъ его недостатки.“ А для этого нужно слишкомъ много! Это могъ чувствовать Сократъ у Грековъ, могъ чувствовать нашъ всеобъемлющій Ломоносовъ, это могъ чувствовать великий Гёте, гений котораго, обнявъ все, доступное мысли человѣка, проникнулъ даље того, до чего можно было проникнуть, и все же, наконецъ, долженъ былъ спокойно остановиться. . . .

Желать и надѣяться также свойственно человѣку, какъ и быть несовершеннымъ; а предположить такого, который-бы могъ существовать виѣ этого, значитъ—предположить или нравственно одичалаго человѣка, или же, пожалуй, человѣка, который-бы въ этомъ не нуждался, слѣдовательно, въ которомъ-бы все нравственно человѣческое, кромѣ животного, навсегда заглохло.—

Скажу однимъ словомъ: если всегда должно существовать, какъ общая формула несовершенства человѣка и ограниченности всего человѣческаго.—

Теперь, какимъ образомъ слово *если* служить (какъ сказаѣ я въ началѣ статьи моей) историческимъ памятникомъ развитія характера и мысли человѣка? Подъ человѣкомъ я разумѣю здѣсь разныхъ представителей человѣчества, т. е. различныя народности. Это можно бы видѣть изъ этнографического и археологического изслѣдованія старинныхъ ходячихъ выражений—*пословицъ, поговорокъ* и другихъ формъ опытной мудрости, которыя принадлежатъ не одному лицу, а вырабатываются жизнью народа.

У насъ, Русскихъ, есть поговорка: „Если

,,бы пастухъ не былъ пастухомъ, то былъ бы, можетъ быть, царемъ“ (*).

Французъ говоритъ, вздыхая:

„Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!“

Въ сосѣдствѣ у насъ, въ Германіи, вышла такая поговорка:

„Wen der Baur nicht Baur wre, so wre er ein Edelmann.“

А отъ отжившаго Рима осталось:

„Si nisi non esset—perfectus quilibet esset; sed pauci visi, qui sanguine nisi.“

Можно бы еще показать, какимъ образомъ выразилась разность народнаго характера въ приведенныхъ нами словахъ у каждого изъ четырехъ народовъ, но статья наша и безъ того растянулась. . . . „И сего доволино“—какъ говорятъ одинъ мой старый знакомый.

П. Пертелевъ 2-й.

1851.

Харьковъ.

(*) Поговорка замѣтительная; она, мнѣ кажется, имѣеть смыслъ: „если-бы такой-то человѣкъ не родился пастухомъ, то родился-бы, можетъ быть, царемъ.“ Вотъ памятникъ вѣковой старины того народнаго вѣрованія, что власть царская не отъ народа, по свыше. Славяне-язычники, положимъ, не могли имѣть такихъ высшихъ понятій о происхожденіи власти изъ высшаго источника: по въ этой поговоркѣ, кажется, ясно выражена мысль о врожденности царской власти, мысль сходила съ мыслью Цицерона о поэтахъ (*Oratores fiunt. poetae nascuntur*): „царемъ нельзя слѣдить—нужно имъ родиться, слѣд. быть предначертаннымъ къ тому—вотъ что хотѣть выразить народъ, сложившій нашу поговорку. Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что тоже должно разумѣть и о сословіи пастушескомъ? . . . Не только этого не отвергаю, но даже принимаю, по нѣкоторымъ основаніямъ, врожденность и наследственность сословій (кастъ) у Славянъ, какъ народа патріархальнаго, земледѣльческаго.

H. K.

СТИХОТВОРЕНІЕ,

БАБУШКА.

(БАЛЛАДА В. Гюго.)

(Читано въ собраніи историко-филологического факультета, 24 февраля.)

„Бабушка! Спшишь ты? Пора, пробудися!
 „Что твои губки, какъ прежде, не шевчуть,
 „Не шевелатся, какъ-бы на молитвы?
 „Ты—словно камень въ сегодняшній вечеръ:
 „Усть не подвишешь и глазъ не раскроешь!

„Бабушка! .. Чтожь ты согнулася не въ-мѣру?
 „Глѣ твои ласки? Да ты не сердита лѣ?
 „Видишь ли: лампа блѣдишь, коптится....
 „Если не скажешь ты намъ, не отвѣтишь,—
 „Лампа и оба мы съ нею потухнемъ.

„Ты настъ увидишь мертвыхъ близъ лампы,
 „Что-то намъ скажешь тогда, пробудившися?
 „Но твои дѣти тебя не услышатъ.
 „Долго придется въ горячихъ объятьяхъ
 „Ихъ воскрешать тебѣ, Богу моляся!

„Дай же намъ руки согрѣть твои.... Сиой намъ
 „Цѣнно старинную, какъ кавалеры
 „Дамамъ своимъ за букетъ посвящали
 „Битвы трофеи и, въ сѣчу кидались,
 „Какъ они имя красавицъ твердили.

„Или скажи, чѣмъ пугать привѣтъ;
 „Какъ Люцифера увилихъ отшельникъ;
 „Что за корона у князя подземныхъ
 „Духовъ, и правда-ль, что дьяволъ боится
 „Больше молитвы, чѣмъ стали Роланда.

„Или раскрой ты намъ Библію.... Пальцемъ
 „Строки слѣдя по ней, мы по-латыни
 „Скажемъ, что людямъ вѣщаетъ Создатель;
 „Небо, Іесуса-младенца съ святыми
 „Мы въ ней увидимъ въ чудесныхъ картинахъ.

„Бабушка! Ахъ, ужъ и лампа не свѣтитъ!
 „Прыгая, тѣни очагъ окружаютъ...
 „Духи, быть можетъ, влетаютъ въ избушку.
 „О, пробудися! О, кончи молитву:
 „Ты берегла насъ, а вышъ пугаешь?

„Руки какъ ледъ у нѣй... Боже, не смотритъ!..
 „Помнишь, когда-то о мірѣ и небѣ
 „Ты говорила, о жизни за гробомъ

„Ты говорила, о смерти... Но что же?
 „Бабушка, смерть это?.. Ты не отвѣтишь!—

И долго голость ихъ посыпалася безъ отвѣта...
 Съ Авророй юною старушка не проснулась,
 Не поднялась на звонъ колоколовъ;
 И вечеромъ пароль, чрезъ двери у избушки,
 Предъ Библіей сватой и ложемъ опустѣлымъ
 Молившихся младенцевъ увидалъ.

Вороновъ.

1852.

Харьковъ,

ОБЩЕПОЛЕЗНЫЯ СВѢДЧІЯ.

Способъ сберегать арбузы свѣжими до Рождества Христова.

Взявъ русскую тыкву, спѣлую итолстокожую, разрѣжьте ее пополамъ, вычищите изъ нея всю внутренность до-чиста и высушите обѣ половинки какъ можно суще. Потомъ возьмите арбуз непереспѣлый и безъ всякихъ пятенъ, оботрите его тряпкою до суха, вложите въ тыкву и, скавъ покрѣпче, завяжите крѣпкою ниткою, а разрѣзъ тыквы замажьте воскомъ, чтобы не проходилъ воздухъ; послѣ сего возьмите говяжій пузырь, надѣньте его на тыкву, завяжите крѣпко и залейте смолою хорошенъко, а послѣ того, надѣвшіи другой пузырь, также завяжите и засмолите. Потомъ опустите по бичевкѣ въ колодецъ или въ проточный прудъ; если же не будетъ тонуть, то привяжите какую-либо тяжесть. Такимъ образомъ, хотя нѣсколько хлопотливо, но можно сберечь арбузы отличнымъ образомъ до января мѣсяца.

Описаннымъ способомъ можно сохранять на зиму персики, сливы и др. плоды, только вместо пустой тыквы нужно взять стеклянную банку и укладывать въ нее персики или сливы, обтертые до-суха и завернутые по-одинокѣ въ тонкую сухую бумагу, потомъ

закупорить, обвязать пузыремъ, надѣть на всю банку пузырь, завязать плотно, засмолить, и, надѣвши другой пузырь, поступать какъ съ арбузомъ.

Какъ солить большую сливу.

Со штофомъ ренского уксуса смѣшавъ три штофа воды, кипятите на огнѣ, прибавивъ 4 фунта сахару, корицы и гвоздики по 3 золотника и нѣсколько зеленаго лавроваго листа; все это хорошенъко уваривъ, простудите; самую слиvu положите въ банку или въ бочонокъ, въ перемѣшавъ ее съ малымъ количествомъ эстрагона и чабера, налейте вышесказаннымъ сыропомъ; къ банкѣ приберите кружокъ, завяжите и храните къ употреблению въ прохладномъ сухомъ мѣстѣ. Такимъ же образомъ можно солить вишни и разныя другія ягоды.

Курск. Губ. Вѣд.

Супъ изъ зеленаго гороха. Высушенный зеленый горохъ перебрать по горошинѣ, чтобы не было червяковъ, и отварить въ водѣ съ солью. Въ другой кострюль приставить на огонь пару или двѣ молодыхъ голубей въ мясномъ отварѣ. Когда голуби сварятся, подпанить ложку муки въ коровьемъ маслѣ, подбить супъ, и положить въ него пучекъ петрушекъ въ маюрана, также сахару. При отпускѣ на столъ положить въ чашку обжарен-

ныхъ ломтиковъ бѣлаго хлѣба, на нихъ голубей и горохъ, потомъ выпить супъ и посыпать мушкатнымъ орѣхомъ.

Жареная курица съ анчоусами. Оправить по обыкновенному курицу къ жаренію, изрубить анчоусовъ съ прибавкою лимона; потомъ прибавить коровьего масла, пряностей и истертаго бѣлаго хлѣба, начинить этимъ курицу и изжарить.

Щуки въ зеленомъ соусѣ. Очистить, надѣзать и отварить щуки въ водѣ съ солью; потомъ истолочь зеленую петрушку, налить винограднымъ виномъ и мяснымъ отваромъ, посыпать щепотью мушкатнаго цвѣта и обложить этимъ соусомъ щуки.

Экономъ.

Средство спаси цвѣты отъ червей. Одинъ искусственный разводитель цвѣтовъ, употребивъ всѣ средства для истребленія червей на растеніяхъ, успѣлъ наконецъ совершенно очистить ихъ, употребивъ для того известкъ, истертую въ порошокъ, которою онъ посыпалъ листья. Червяки пропали, а засохшія вѣтви опять ожили и покрылись свѣжею зеленью.

Журн. Общ. Се.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1) Г-жа Гопиталь и Берто, пріѣхавшія недавно изъ Парижа, привезли съ собою большое количество шлянокъ, лентъ, манто, мантий, дамскихъ жилетовъ, мужскихъ сорочекъ, галстуковъ, болыпой ассортиментъ перчатокъ и бѣлья и имѣютъ честь извѣстить почтенійшую публику, что всѣ означенные товары продаются въ лучшемъ качествѣ и по самымъ сходнымъ цѣнамъ.

Противъ дворянскаго собранія, въ домѣ Кулаковой.—1.

2) Съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, продаются по вольнымъ цѣнамъ дворовое мѣсто, съ каменнымъ домомъ и строеніемъ, принадлежащее наследникамъ умершаго иностранца Федора Грубе, состоящее г. Харькова 2-й части на Сумской улицѣ; о цѣнѣ узнать отъ опекуновъ: содержателя аптеки провизора Генриха Сартисона и харьковскаго 3 гильдіи купца Петра Торесона—1-й въ домѣ Кузиной, на Никольской площади, а посыпѣтъ въ домѣ Грановскаго, на Московской улицѣ.—1.

3) На Рынмарской и Ключковской улицахъ, позади театра, въ домѣ Венецкаго, отдается въ наемъ верхній этажъ съ принадлежащими къ нему службами; о цѣнѣ узнать отъ самого Венецкаго, живущаго въ нижнемъ этажѣ того дома.—3.

4) Близъ г. Харькова продаются имѣніе въ 7 верстахъ отъ онаго, по рѣкѣ Немышль, состоящее въ 239 десят. земли пахатной и сънокосной, 18 ревизскихъ душъ, господскаго дома со всѣми службами, большаго сада, двухъ постоянныхъ дворовъ и другихъ заведеній; желающіе купить имѣніе, могутъ лично его осмотрѣть и цѣну о немъ узнать отъ самой

владѣльцы маіорши Деменковой. Названіе этого купца: Немишельской.—3

5) Требуется дама пожилыхъ или среднихъ лѣтъ, или девица, знающая практическіе и теоретическіе французскій языкъ, къ отъѣзду, въ Таганрогъ; обѣ условіяхъ найма спросить въ квартирѣ г. вице-губернатора.—3.

6) Имѣю честь извѣстить почтенійшую публику, что продается до четырнадцати десятинъ удобной земли съ разведенными на ней винограднымъ садомъ и лѣсомъ, состоящей Симферопольского уѣзда на Южномъ берегу Крыма, при деревнѣ Кучукъ-кой, въ урочищѣ Кульма.—О цѣнѣ спросить на Николаевской улицѣ у зубнаго лекаря Ивана Гейдемана.—4.

Отправляющіеся за границу.

1) Прусская подданная девица Марія Кронратъ (спросить въ домѣ Грановскаго).—1.

2) Жена фридрихсгамскаго купца—Наталья Швальба съ малолѣтними дочерьми Натальею, Эльвиною и Еленою (спросить на дачѣ въ Малой Даниловкѣ).—1.

3) Прусскій подданный Леопольдъ—Александръ Суплитъ.—1.

4) Юлій Брилинсь, великобританскій подданный.—1.

5) Славянскій З-й гильдіи купецъ Степанъ Кондратьевъ Киселевъ отправляется въ Іерусалимъ.—2.

ВѢДОМОСТЬ

о приезжающихъ и выезжающихъ.

отъ 25 по 31 июля прибыли;

Изъ Москвы, от. ген.-маиръ графъ Толстой; г.
Бѣлгородъ, от. маиръ Шмидтъ; г. Старобѣльска,
от. маиръ Кириловъ; г. Полтавы, кол. сов. Эзер-

скій; г. Валокъ, от. полк. Шаповаловъ; г. Рачицы,
ст. сов. Адамовичъ; г. Полтавы, кол. асс. Яблон-
скій и ст. сов. Калепиченко; г. Чугуїва, от.: под-
полк. Горновскій и маиръ Власовъ; г. Воронежа,
подполк. Гричановскій.

ВѢХАЛИ.

Въ г. Олессы, подполк. Спопиловъ; г. Курскъ,
предв. двор. Черновъ; сл. Мерчикъ, от. ген.-маиръ
графъ Толстой; г. Валки, кол. асс. Германъ; г. Кі-
евъ, маиръ Фонъ Франкенштейнъ; г. Бѣлгородъ,
от. маиръ Шмидтъ; г. Полтаву, от. маиръ Вель-
совскій; г. Старобѣльскъ, от. маиръ Кириловъ.

Печ. дозвол. 2 августа 1852 г.,
Цензоръ Н. Костырь.

Редакторъ А. Барыковъ,